

умѣніемъ весело жить, европейцы преклоняются теперь предъ дотолѣ презираемыми ими послѣдователями азіатскаго буддизма, говорятъ съ уваженіемъ о факирахъ, умѣющихъ совершенно отрѣшиться отъ жизни и въ полномъ забвеніи чувствъ стоять на одной ногѣ цѣлыя сутки.

Нужно ли говорить, какимъ образомъ всѣ слова Писанія о томъ, что міръ лежитъ во злѣ, что въ отрѣшеніи отъ прелести міра заключается путь ко спасенію, доставили пессимистамъ возможность все ученіе Христова объявить самымъ чистокровнымъ пессимизмомъ и, на ряду съ утилитаристами, матеріалистами и гегельянцами, возглашать, что именно они поняли Евангеліе?

Въ нашемъ русскомъ обществѣ не столько философія, сколько жизненные идеалы воздѣйствовали на умы. Такъ шестидесятые годы извѣстны возбужденіемъ общественныхъ стремленій къ уравниенію сословій и состояній, къ учрежденію всенароднаго образованія, къ прегражденію насилій и произвола. Понятно, что только извѣстныя стороны евангельскаго ученія принимались во вниманіе людьми этой эпохи. «Когда же поймутъ люди,—говорилъ одинъ изъ ея наиболѣе вліятельныхъ представителей,—что ученіе Христа состоитъ не въ тупомъ смиреніи и терпѣніи, а въ томъ, чтобы помогать и заступаться за меньшую братію?»

Понимали ли эти дѣятели, какъ далеко былъ Господь отъ того, чтобы Его ставили дѣлать имущество между людьми? Понимали ли они, что Онъ цѣнилъ развитіе добродѣтельнаго настроенія въ душахъ прежде всего, и только въ качествѣ выраженія его одобрялъ милосердіе къ бѣднымъ, или отреченіе отъ своего положенія и имущества?

Явились въ Россіи много рода идеалы, стремившіеся къ возвышенію и воссозданію началъ древне-русскаго быта. Естественно, что они должны были, подобно нашимъ предкамъ, поставить себѣ цѣлью не сочинять, а изучать христіанство. Однако, далеко не всѣ послѣдователи этого направленія выдержали принципъ и у многихъ изъ нихъ христіанство смѣшалось съ патріотизмомъ. Догматическіе и нравственные вопросы вѣры они рѣшали съ чисто бытовой точки зрѣнія и также точно объясняли причину отпаденія отъ церкви раскольниковъ, оказывая отечественному русскому расколу едва ли не болѣе сочувствія, нежели евангельской истинѣ.

Говорить ли о прочихъ направленіяхъ умственной жизни